

Раздел I. Вопросы теории и методологии

ЧЕЛОВЕК И БЫТИЕ ВОЗМОЖНОГО

П.К. ГРЕЧКО

ЧЕЛОВЕК. К ВОПРОСУ О ПРОЕКТИРОВАНИИ СЕБЯ

***Аннотация:** Работа направлена на выявление оснований, форм и целей проектирования самости человека. Автор исходит из идеи, что для проектирования себя важно открыть самость — эту «живую уникальность», миру. Проектирование самости начинается как ее разотождествление — через многочисленные «Me», взгляд Другого, мышление на пределе и пределами. Посредством проекта и проектирования индивид создает себе своеобразное alter ego, с которым он вступает в диалогическое предметное взаимодействие, утверждая себя в качестве постоянно развивающегося и устремленного в будущее существа.*

***Abstract:** The paper is aimed at identifying the reasons, forms and goals of designing the human self. The author proceeds from the idea that for designing/projecting one's self, it is important to open the self, that "living uniqueness", to the world. Designing the self begins as its disidentification (negating oneness or sameness) — through numerous «Me's», Others' view, thinking on the verge and beyond. Through the project and designing the individual creates for himself a kind of alter ego, with whom he enters into dialogical substantive interaction, asserting oneself as a constantly evolving and forward-looking creature.*

***Ключевые слова:** проект, самость, «Me», Другие, трансгрессия, разотождествление.*

***Keywords:** design/project, self, Me, Others, transgression, disidentification.*

Гречко Петр Кондратьевич (1948–2016) — доктор философских наук, профессор (Москва).

Такая, заглавная, постановка проблемы подсказана мне Плинио Прадо, который возглавляет ныне Департамент философии в университете Париж VIII «Венсенн». Он был лично знаком с Мишелем Фуко и хорошо запомнил чуть ли не последние его слова: «Не забудьте придумать себе жизнь...». Подлинные это слова или нет, не столь важно. Главное, что они симптоматичны и органично вписываются в творчество автора, особенно в его «Заботу о себе».

Тут, впрочем, возникает одно принципиальное сомнение: а проект, проектирование – разве это не из классически-модерного лексикона, справедливо критикуемого в современном, или постмодерном, мире? Такой автор, как Жорж Батай, например, всячески подчеркивает свою «[в]раждебность к идее проекта...»¹. Что ж, автора с его индивидуальным стилем выражения можно понять, хотя в общеисторическом контексте ситуация с проектом может выглядеть и по-другому. Особенно если Постмодерн (и одно из самых репрезентативных его выражений – постмодернизм) рассматривать как грандиозную, поистине эпохальную попытку сохранить Модерн (опять же его теоретическое выражение – модернизм) в условиях, уже ему, Модерну и модернизму, неадекватных, в чем-то даже враждебных. Согласившись с таким рассмотрением, мы вправе утверждать, что устарел не сам по себе проект, устарело, стало неадекватным наше его прежнее понимание. Примечательно, что сам Ж. Батай противопоставляет проекту не «негативный настрой (болезненную вялость), но дух решимости»².

В прежние, домодерные и модерные, времена жизнь, практика легко отсеивала исторически и экзистенциально несостоятельные проекты. Не то сегодня, когда на дворе уже постмодерная эпоха. Практика – и социальная, и индивидуальная – стала настолько развитой и гибкой, что готова принять и воплотить в себе, по сути, любой проект. Отсюда – боязнь реализовать не тот проект, стать заложником, скажем, абсурдно-бюрократического проектирования. Надежного противоядия от сползания в подобное теоретико-практическое проектирование нет и, видимо, не будет. Выручают, да и то частично, такие ресурсы, как рефлексия, критицизм, обостренная (доходящая до индивидуального существования, специфической сущности) аналитичность.

Опять же в прежние времена человек мог рассчитывать на определенные и твердые ориентиры, как-то: знаки неба, самоочевидности природы, «чистый свет» разума, прямые усмотрения интуиции, аксиомы по-

---

¹ Батай Ж. Внутренний опыт. – СПб.: Аксиома, 1977. – С. 21.

² Там же. – С. 22.

вседневного существования/опыта. А также, и это нужно подчеркнуть особо, — религиозные убеждения-верования. В последнее время их часто называют чувствами, почему-то готовыми в любой момент оскорбиться. В условиях сегодняшней современности (contemporaneity) все эти «определенности» поставлены под вопрос. Религия, и та не избежала «пост»-участи — теперь она просто постсекулярна, т.е. одна из многих и потому ограниченных культурных форм. Хотя религиозно-впечатлительных, подчас наивных и доверчивых людей у религии пока достаточно. Мы учимся, а по отдельным направлениям и привыкаем жить в условиях неопределенности, в хаосмосе, открытом для свободы и творчества. Творчество же проективно по определению. Если верить М. Эпштейну, то на дворе уже давно «проективная эпоха», и нынешняя «информационная вселенная» все более переходит в трансформационную, проективную³.

Проектировать себя, придумывать себе жизнь... Звучит, конечно, заманчиво, но одновременно и спорно, даже тревожно. Есть здесь свои «за» и «против». Начнем с последнего.

Легко сказать — спроектировать, придумать! Ведь многое говорит о том, что не мы проектируем и придумываем, а нас проектируют и придумывают. Что конкретно? Вот время, например. Как поэтически выразился Александр Кушнер: «Времена не выбирают, / В них живут и умирают». Далее. Человечка, голеньким пришедшего в эту жизнь, начинают сразу же «одевать», то бишь социализировать. В результате этого второго, собственно социального, рождения индивид интегрируется (вынужден интегрироваться) в сложившийся общественный порядок (так и хочется добавить: вещей, но нет — людей), становится образом и подобием устоявшихся культурных образцов. Где-то параллельно, если не в общем потоке социализации, идет идентичностная профилизация индивида, т.е. приобщение его к той или иной человеческой общности, ее ценностным ориентациям, традициям, нормам, идеалам, стилю жизни в целом. Тут у индивида уже больше свободы, свободы выбора, но и здесь все структурируется приставочным *при-* (из «приобщения»): дополнение или примыкание (к чему-н.), сближение (с чем-н.).

В революционные, экстравертные или вывернутые наружу, времена у «состояния человека», терзаемого мечтой о «светлом будущем», появляются простые и ясные ориентиры — на тех немногих, которые олицетворяют и представляют... Как у Вл. Маяковского, например: «Юноше, обдумывающему житье, решающему — сделать бы жизнь с кого, скажу не

---

³ Эпштейн М. Проективная теория в естественных и гуманитарных науках // Знание — сила. — 2012. — № 4. — С. 56.

задумываясь – «Делай ее с товарища Дзержинского». Для себя поэт тоже определился: «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше». Не будем уточнять, куда приплыл сам поэт и куда приплыли (или все еще плывем?) мы все.

В мирные времена дела тоже могут обстоять по-разному. Жить по правде, не по лжи удастся немногим. А в условиях коррупции и тоталитаризма, как справедливо заметил Рустам Ибрагимбеков, «обстоятельства жизни могут легко содрать с нас тонкую цивилизационную оболочку, превращая в самых страшных существ на земле»⁴. Ассоциативно-образный ряд глагола «содрать» вновь выводит нас на А. Кушнера: «Время – кожа, а не платье. / Глубока его печать. / Словно с пальцев отпечатки, / С нас – его черты и складки, / Приглядевшись, можно взять».

Обратимся теперь к аргументам или доводам «за» в придумывании себя и своей жизни. Человек все-таки рождается свободным. Не обязательно понимать эту мысль в духе Ж.-Ж. Руссо с его учением о *естественном человеке* и жалобой на оковы и цепи социально-исторических условий, цивилизации как таковой, на пороки и ложные потребности человека общественного. Прочитируем в данной связи другого великого француза – Жан-Поля Сартра: «Человек обречен быть свободным». Опять же без авторской конкретизации: абсурда свободного выбора, тотальной ответственности и прочих экзистенциалистских вещей. Объяснение здесь много проще: в отличие от животного, которого природа наградила инстинктами и рефлексамии практически на все случаи жизни, человек приходит в этот мир с одной-единственной способностью, или перспективой, – стать, быть человеком; он сам, на свой страх и риск, должен определять, как себя вести в каждом конкретном случае, т. е. выбирать, проявлять свою свободу и нести за нее ответственность. В так любимой Руссо первозданной природе человека нет вообще – только предпосылка, или диспозиция, в виде эволюционно-генетической программы им стать. Человек потому и состоялся как человек, что слез с дерева, вышел с леса, отделился от природы. Впрочем, нет, он все еще выходит и отделяется – с трудом, в мучениях и сомнениях. Человек в этом смысле не естественное, а искусственное (социально искусственное) существо. Он творит историю и через нее, и в ней – самого себя. Не всегда осознанно, а тем более «придуманно» и проективно – помимо целей и желаний есть еще объективная логика и «тенденционная» сцепленность воплощающих их событий. В любом случае ис-

---

⁴ Ибрагимбеков Р. «В моей стране коррупция и тоталитаризм» // The New Times | Новое время. – № 20 (570). – 15 июня 2015. – С. 47.

тория — это человеческий самострой и, судя по медленным изменениям и неоднозначным результатам, долгострой.

В реальной жизненной ситуации всегда можно найти человека (людей) и его (их) обстоятельства. Обстоятельства, несомненно, давят, но не всегда и с успехом продавливают, прогибают. Возьмем все еще не отпускающее нас советское прошлое. В плане отношения к власти абсолютное большинство населения было тогда преданно-лояльным, со всем и на все согласным, конформистски-лояльным. Да, абсолютное, да, подавляющее, но не абсолютно все. Находились, были ведь и те, кто не соглашался, противостоял, не сдавался, не прогибался «под изменчивый мир», кто становился диссидентом. Значит, не все так плохо, значит, идеологическая индокринация не всеильна и личность не исчерпывается социальными инвестициями в нее. Перефразировав известное выражение Максима Горького, можно сказать: в жизни всегда есть место свободе. Свободе как некоему предельному началу человека, его субъектно-личностной трансценденции. Прав Н.А. Бердяев: «Свобода — безосновная основа бытия, и она глубже всякого бытия»⁵.

Свобода глубже бытия и выше жизни, хотя в наборе фундаментальных ценностных ориентаций человека именно жизнь (право на жизнь) считается однозначно верховной ценностью. Ее по определению не выбирают, а если и выбирают, то, как правило, с пониманием такой необходимости, в судебной практике, к примеру, — с оправдательным приговором. Самый трудный, пограничный, как говорят философы, выбор здесь — выбор между жизнью и смертью. Он тоже свободный, хотя большинство — и его, конечно же, можно понять — выбирает жизнь. А вот Януш Корчак, вошедший в фашистскую газовую камеру вместе с детьми, сознательно выбрал смерть. Выходит, в принципе (и из принципа) такая возможность есть и соответствующая сила находится.

Описав таким образом координаты «за» и «против» в ситуации проектирования себя, мы подошли к ее проблемному ядру — самому концепту «себя». У М. Фуко, с отсылки к которому и начинается данная работа, «себя» (soi) дается в непривычных для нас сочетаниях: «культура себя», «искусство себя», «практика себя», «опыт себя», «техника себя»⁶. Непривычность идет здесь, видимо, не от того, что русский язык, в отличие от французского, является флективным, т.е. особо чувствительным к окончаниям слов (напрямую зависящим в данном плане от приставок, суффиксов

---

⁵ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. — М.: Изд-во «Правда», 1989. — С. 369.

⁶ Фуко М. История сексуальности III. Забота о себе. — Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. — С. 52, 65, 75, 256 *et al.*

и предлогов). За непривычностью этой, как представляется, скрывается более широкая — не только грамматическая, но и онтологическая — перспектива. Имеется в виду практико-теоретическая и субъект-объектная континуальность как бытия, так и познания. А также, если выражаться более современно, единство текста и контекста. Стоит ввести здесь, скажем, предлог *о* (о себе), как сразу же появится властная вертикаль, и субъект начнет диктовать свою ничем не ограниченную волю. А так он просто один из горизонтально (и демократически) действующих элементов.

Классически, или модерно, настроенный читатель наверняка заметит, что Фуко об этом не пишет, что он говорит о другом. Что ж, пусть так, но я ведь не вычитываю, а читаю, притом в полном соответствии с методологической установкой самого Фуко — следовательно, без автора, в перспективе или горизонте смерти автора. Важна для меня здесь и методологическая идея Жюль Делеза: «корреляция самого верного и точного повторения — максимум различия»⁷. «Себя»-бытие в такой ситуации неотделимо от того, что субъект-индивид создает, делает; «себя» всегда — среди, в окружении этого делания, в его контекстуальной процессуальности. Перед нами неклассическая антропология: практика аутотрансформации субъекта (не практика власти и не практика знания, как это было раньше). Такой подход не позволяет превратить дискурс себя в дискурс власти, он гасит желание субъекта «быть на вершине», иметь привилегированную позицию и ею как угодно распоряжаться. Вместе с тем здесь нет и тождества в смысле растворения субъекта, субъективности в ситуационной амальгаме данного, наличного. Проектирование себя, в нашем понимании, начинается с практики разотождествления, выхода вовне, в сферу социального.

На непременно разотождествления себя следует остановиться подробнее. Дело в том, что «себя» как самость отдельного человека герметически закрыта — не только для внешнего взгляда, но и для самонаблюдения — его экзистенциальной сингулярностью или «живой уникальностью», как сказал бы Э. Левинас. И потому, прежде чем проектировать (и впоследствии реализовать) человеческую самость, надо сначала выманить ее из убежища в-себе-бытия, сделав тем самым доступной наблюдению и действию, открытой конкретным обстоятельствам времени и места. Доступной и открытой, разумеется, не полностью, не до конца — только относительно, в определенной мере. Перефразировав одну библейскую истину, можно сказать, что самость узнается по делам и в делах ее. Разотождествляя самость, обращаясь к ее жизненным проявлениям или приложениям, мы получаем возможность все-таки выйти и влиять, в т. ч. и проективно, на нее.

---

⁷ Делез Ж. Различие и повторение. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. — С. 12.

Воспользовавшись уже разработанной (У. Джеймсом и, в особенности, Дж. Г. Мидом) терминологией, разотождествление себя можно представить в виде комплекса многочисленных и разных «*те*'s». Немного грамматики, ибо она здесь очень красноречива. Казалось бы, *те* – это косвенный падеж от базового, или именительного, «I»: *меня, мне, мной, обо мне*. Однако в английском языке это объектный падеж, обобщающий или объединяющий в себе и собой все пять (от родительного до предложного) русских. Его использование в английском языке, с точки зрения языка русского, весьма специфично: It is me – правильный перевод «Это я», хотя буквалистски-точный был бы «Это обо мне» – в лучшем случае, а то и косноязычно «Это меня». Разумеется, у нас здесь не грамматика, а философия, но воспользоваться грамматическим воображением в онтологическом смысле мы все-таки можем. «*Ме*» позволяет нам взглянуть на «I»-себя как бы со стороны, как на объект, но выход на эту реальность себя получается все равно косвенным – уникальное и неповторимое Я («I») старается ускользнуть, остаться закрытым и недоступным. Похоже, ему это удастся.

Вернемся, однако, к собственно философии. С помощью разных и многочисленных «*те*'s» индивидуальное (индивидное) Я («I») размыкается на социальную среду, выходя тем самым из своей бытийной самоидентичности или экзистенциальной герметичности. Весьма показательно в этом плане Джеймсово сближение коммуникативно-личного *те* и присваивающе-вещного *tine* (*мне, мой, моя, мое*), позволяющее, в частности, говорить о материальной и социальной самостях⁸. А вот как об этом пишет Дж.Г. Мид: «Установки (attitudes) других, которые человек принимает как воздействующие на его поведение, образуют «*те*»...»⁹. Важно обратить внимание на то, что в реальном жизненном опыте «I» не только «рассыпается» на многочисленные «*те*'s», но и «собирается» как ответная реакция на них: «Они [«I» и «*те*»] разделены в процессе, однако составляют пару в том смысле, что оба являются частями единого целого. Они раздельны и вместе с тем едины (belong together). <...> «I» как порождает «*те*», так и реагирует на него. Взятые вместе, они образуют личность, какой она проявляет себя в социальном опыте»¹⁰. Из сказанного напрашивается вывод, что «*те*'s» делают видимым и онтологически упругим

---

⁸ James W. The Principles of Psychology. Chapter 10. *The Consciousness of Self* // <https://ebooks.adelaide.edu.au/j/james/william/principles> (дата обращения: 03.09.2015).

⁹ Mead, George Herbert. *MIND, SELF AND SOCIETY from the Standpoint of a Social Behaviorist* (22. The “I” and the “ME”) // <http://livros01.livrosgratis.com.br/bu000001.pdf> (дата обращения: 07.09.2015).

¹⁰ Там же. Дается в переводе В.Г. Николаева. См.: http://library.sociology.kharkov.ua/books/empir_soc1/chapter4.html (дата обращения: 07.09.2015).

предмет конструирования себя. Причем делают они это не в одиночку, а, как будет показано ниже, наряду с другими факторами.

На социальную среду-реальность, на контекст размыкается Я-себя также в коммуникативной ситуации как «опыте дружести»¹¹. Для человека гражданского религиозное «перед лицом Бога» заменяется светским «перед лицом Другого» (обобщенного Другого). Это, если по Э. Левинасу, — «эпифания Другого»¹². Разумеется, коммуникативность, какой бы полной и убедительной она ни было, не может отменить экзистенциальную неповторимость Я — известная недоступность или закрытость остается здесь всегда. И, тем не менее, только коммуникативная атмосфера — искренняя и уважительная — может эту закрытость приоткрыть, пропустить нас дальше, ближе к «живой уникальности» Я. Кроме того, трансцендирующая сила эпифании Другого является конститутивным условием становления родового самосознания человека. «Лишь относясь к человеку Павлу как к себе подобному, — писал в данной связи К. Маркс, — человек Петр начинает относиться к себе как к человеку»¹³.

Выманить самость из ее индивидуально-экзистенциального укрытия можно и еще одним способом — через трансгрессию. «Трансгрессия, — по удачному определению М. Фуко, — это жест, который обращен на предел»¹⁴. Иными словами, трансгрессия является попыткой все же преодолеть непреодолимое, перейти через непроходимое; это, по-другому, опыт мышления у пределов и пределами. В трансцендирующей силе предела-перехода концентрированно выражаются (и тем обнажаются) все усилия, весь путь движения к нему. «[Т]ам, на тончайшем изломе линии, — развивает свою мысль французский философ, — мелькает отблеск ее прохождения, возможно, также вся тотальность ее траектории, даже сам ее исток»¹⁵. И еще на ту же тему: «Это (трансгрессия. — П.Г.) словно зарница в ночи: она из глубины времен придает черное и плотное бытие тому, что отрицает, воспламеняет его изнутри, а из глуби переполняет, но эта же зарница обязана ночи своей живой яркостью, своей потрясающей и расстравленной своеобычностью, она теряется в том пространстве, которое обозначает своей суверенностью...»¹⁶. Непременное условие «предельно-

---

¹¹ Craig, Robert T. (1999). Communication Theory as a Field // *Communication Theory*. 1999. 9:2. P. 138.

¹² Левинас Э. Гуманизм другого человека // Левинас Э. Избранное: Трудная свобода. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 618.

¹³ Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. — Т. 23. — М.: Политиздат, 1956. — С. 62.

¹⁴ Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — СПб.: Мифрил, 1994. — С. 117.

¹⁵ Там же. — С. 118.

¹⁶ Там же.

го» мышления, обретения опыта-предела — мужество «радикально поставить себя под вопрос»¹⁷.

Разотождествление самости есть в действительности ее проявление-выявление. Перед нами, заметим, не «умножение сущностей, не «отражательное» дублирование, не перевод потаенности в некую открытость, напротив, это онтологическое расширение себя-самости, размыкание границ до того, что можно было бы назвать сложностной (complexity) ситуацией, — ситуацией, в которую наряду с предметом-«текстом» входят также контекст, инфраструктура, вообще все релевантные линии, перспективы, связи. Под воздействием проекта — проекта как структурирующего принципа — эта ситуация становится чем-то вроде *alter ego* индивида, с которым он вступает в диалог, теоретический и практический одновременно. Логику данного диалога, по меньшей мере в практической его части, лучше всего раскрывать в терминах опредмечивания и распредемечивания. Терминах, несомненно, процессуальных, т.е. растянутых во времени, и диалектически-реверсивных. Стремление индивида сделать свою жизнь собственным произведением в «один раз» никак не укладывается. Приходится неоднократно начинать и, наталкиваясь на неизбежное несовершенство воплощения, постоянно корректировать.

***

Подведем итоги. Проектирование себя не требует, как можно было бы думать, анахоресиса, т.е. отшельнического уединения, ухода в монастырь, пумстынь, или в лес, как это было принято на Древнем Востоке. Более того, путь этот тупиковый, он подменяет реальность иллюзиями и утопическими надеждами, а собственно себя-самость — самовнушением, призраками и фантазмами. Он страдает к тому же неискоренимым индивидуализмом или эгоизмом, т.е. заботой исключительно о себе, своим узком мирке. Самость в такой перспективе так и остается *terra incognita*, причем не только для окружающих, но и для субъекта, ее носителя или воплотителя. Проектировать себя нужно в реальной и как можно более полной жизненной ситуации. Где-то даже с акцентом на ситуационное бытие, поскольку в нем реально улавливается, становится предметно зримой — и в плане исходного проявления, и в плане проектно-преобразующего воздействия — наша самость.

Проектируемой таким образом ситуации вовсе не нужно быть субъектно-центричной. На самом деле центр у нее номадический, он пролетает

---

¹⁷ Бланио М. Опыт-предел // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — СПб.: Мифрил, 1994. — С. 67.

по всем ее составным элементам, подчиняясь только предпочтениям и логике выбора «проектировщика», а также правилам своего сетевого и сложностного устройства. В прескриптивном, или нормативном, плане проектирование себя мотивируется ценностью саморазвития и устремленности в будущее — тем, что можно было бы назвать верностью духу *пост*- (вплоть до *пост*-современности).

Проектирование себя — это не только забота о себе, это еще и рост над собой, т.е. экспериментирование над тем, что Я есть «здесь и сейчас», — чтобы совершить, пусть и с понятным риском, скачок в будущее. В будущее новое, а не то, что придет или сложится стихийно, само собой, по воле обстоятельств жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батай Ж. Внутренний опыт. — СПб.: Аксиома, 1977.
2. Бланио М. Опыт-предел // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — СПб.: Мифрил, 1994.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. — М.: Изд-во «Правда», 1989.
4. Делез Ж. Различие и повторение. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
5. Ибрагимбеков Р. «В моей стране коррупция и тоталитаризм» // The New Times|Новое время. — № 20 (570). — 15 июня 2015.
6. Левинас Э. Гуманизм другого человека // Левинас Э. Избранное: Трудная свобода. — М.: РОССПЭН, 2004.
7. Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. — Т. 23. — М.: Политиздат, 1956.
8. Фуко М. История сексуальности III. Забота о себе. — Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998.
9. Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — СПб.: Мифрил, 1994.
10. Эпштейн М. Проективная теория в естественных и гуманитарных науках // Знание — сила. — 2012. — № 4.
11. Craig R.T. Communication Theory as a Field // *Communication Theory*. — 1999 — Vol. 9. — N 2. — P. 119-161.
12. James W. The Principles of Psychology. Chapter 10. *The Consciousness of Self* // <https://ebooks.adelaide.edu.au/j/james/william/principles> (дата обращения: 03.09.2015).
13. Mead G.H. *Mind, Self and Society, from the Standpoint of a Social Behaviorist* (22. The “I” and the “ME”) // <http://livros01.livrosgratis.com.br/bu000001.pdf> (дата обращения: 07.09.2015).